

ЭКСПЕРИМЕНТ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Е.В. Овсянникова

Запорожский институт экономики и информационных технологий

В самом общем плане переводческий эксперимент можно представить в виде целенаправленной работы с синонимами с целью определения наиболее контекстуально-адекватного варианта. В основу типологии переводческого эксперимента могут быть положены самые разные принципы: вероятностное прогнозирование, функциональный стиль, уровни языка и т. д. Важно при этом иметь в виду следующее:

1. Исходный принцип не может представлять собой элементарное понятие и должен предполагать наличие хотя бы двух составляющих (обладать дихотомией);
2. Эксперимент должен «работать» в интересах развития навыков языковой культуры, прежде всего – культуры владения иностранным языком;
3. Эксперимент должен допускать возможность разных решений, в том числе и неожиданных;
4. Полевым материалом эксперимента являются высокочастотные единицы, а не языковая экзотика;
5. Корректность проведения эксперимента зависит от того, насколько учитывается в нём понятие «высшего суда» (*supreme authority*), в качестве которого может выступать, например, лучший (на данный период) словарь.

Вот, например, как может выглядеть типология, построенная с учётом этапов переводческого процесса.

1 Дословный перевод (синтаксическое уподобление) – подстановка ближайших соответствий вместо транслем оригинала при сохранении синтаксических связей между ними в качестве начальной стадии процесса перевода. В условиях лимита времени даже опытный переводчик обречён хвататься за ближайшие соответствия, которые в лучшем случае оказываются нейтральными доминантами синонимического ряда, в худшем – экспликантами случайной ассоциативной связи.

2 Рабочий перевод – предварительный перевод, эквивалентность которого ограничена лишь передачей предметно-логического содержания оригинала. В таком переводе грамматические нормы языка перевода соблюдаются, но коннотативная часть сообщения воспроизводится не в полной мере или вообще не учитывается. Рабочий перевод может быть целью некоторых видов переводческой деятельности (например, реферативного или аннотационного перевода), но в теоретическом смысле является лишь промежуточной стадией перевода.

3 Редакторская правка – состоит в основном в идиоматической полировке, в результате которой появляется вариант, более приемлемый для стилистических норм языка перевода. В идеале редакторская правка должна предложить наилучший вариант, однако это наблюдается только при наличии трёх условий: совпадении синтаксических структур ИЯ и ПЯ в данном высказывании, возможности внеконтекстной интерпретации высказывания (автосемантия), а также совмещении поверхностной и глубинной структур высказывания (когда возможна только одна интерпретация). На самом деле переводческий эксперимент часто продолжается и после редакторской правки.

4 Послепереводческий анализ (повторное редактирование) - осуществляется с текстами, имеющими большую общественную значимость: Библия, научные трактаты, произведения классической литературы и т. д. Чаще всего в повторном редактировании подвергается сомнению факт достижения оптимального уровня эквивалентности в предыдущем «конечном» варианте. В основном челночные операции переводчика осуществляются здесь от семантического перевода к коммуникативному (когда ориентация на язык оригинала признаётся преувеличенной), или от коммуникативного перевода к семантическому (когда преувеличенной считается ориентация на интересы реципиента ПЯ). В такой эксперимент оказываются вовлечёнными образность, интертекстуальность, стилистические доминанты и весь репертуар стилистики, прагмалингвистики, лингвистики текста и когнитивной лингвистики, что создаёт условия для высокопрофессиональной полемики и оказывается осуществимым только на высшем уровне языковой компетенции (Скребнев 2000).

Как показывают наблюдения, по разным причинам послепереводческому анализу отводится достаточно скромное место в практике преподавания иностранного языка на переводческих факультетах. Главная из них состоит в том, что в такой работе много времени отводится родному языку в ущерб иностранному. Другим немаловажным обстоятельством является слабая литературная подготовка «компьютерного поколения». Поэтому наиболее успешно выполняются задания по устранению явной ошибки. Например (иллюстративный материал взят из 15-й главы романа Джека Лондона «Martin Eden» и его перевода на русский язык под редакцией

Е. Калашниковой):

The nigger heaven bouncer was making his way toward the disturbance.

К месту скандала спешил блюститель порядка (подчёркнуто нами).

Речь идёт, конечно, о *вышибале*, а не *блюстителе порядка*. Для идентификации ошибки такого рода даже не требуется знать, что в дешёвом кабаре для простолудинов порядок вверялся не офицерам полиции, а вышибалам. Достаточно использовать регулярное соответствие. По каким причинам Е. Калашникова остановила свой выбор на *блюстителе порядка*, отказавшись от более высокого уровня эквивалентности, непонятно. В отличие от приведённого примера, очень непростым оказывается эксперимент, предполагающий замену коммуникативного перевода семантическим, когда явной ошибки нет.

“Poor little shaver”, he murmured. “And you’re just as badly licked now. You’re beaten to a pulp. You’re down and out” (J.London. Martin Eden).

«Бедный мальш», - бормотал он, - «и теперь тебя снова побили. Так побили, что и не встать» (подчёркнуто нами).

Разговорную окраску оригинала можно передать более адекватно:

Тебя и сейчас вздули. В котлету превратили. Нокаут, чего уж (семантический перевод во всех примерах наш).

В семантическом переводе сохраняется образ боксёрского ринга, особенности организации стилистической информации (синонимический повтор с кульминацией в последнем компоненте), а также стилистически сниженные коннотации. Для послепереводческого анализа важно учитывать понятие его глубины, которая зависит от степени проникновения в контекст. Так, в нашем случае актуальными оказываются другие примеры из этой же 15-й главы, в которых коммуникативный перевод тоже предлагает упрощённое описание ситуации.

He saw them all, fight after fight, himself always whipped and Cheese-Face exulting over him.

Он вспомнил все их схватки, одну за другой. Масляная Рожжа всегда побеждал (подчёркнуто нами).

Семантический перевод: *Масляная Рожжа всегда побеждал и упивался своей победой.* (Восстановлена утраченная в коммуникативном переводе информация о том, что противник Мартина был начисто лишён такого благородного качества, как великодушие).

"I'll lick you tomorrow," he heard Cheese-Face promise; and he heard his own voice, piping and trembling with unshed tears, agreeing to be there on the morrow.

«Я тебя вздую завтра», пообещал ему Масляная Рожжа, и Мартин дрожащим от слёз голосом заявил, что завтра будет на месте (подчёркнуто нами).

Семантический перевод: *«Завтра ты у меня получишь», пообещал ему Масляная Рожжа, и Мартин, глотая слёзы, заявил прерывающимся голосом, что будет на месте.* (Восстановлена утраченная в коммуникативном переводе информация о том, что Мартин был достаточно мужественным мальчуганом, чтобы удержаться от слёз).

His forearms were black and blue from wrist to elbow what of the countless blows he had warded off, and here and there the tortured flesh was beginning to fester.

Тело у него было сплошь в синяках, руки царапаны, и некоторые царапины начинали гноиться (подчёркнуто нами).

Семантический перевод: *Парируя бесчисленные удары, руки Мартина от кисти до локтя сплошь покрылись синяками.* (Восстановлена утраченная в коммуникативном переводе информация о тактике кулачного боя, а также устранена нежелательная ассоциация с девичьими разборками, когда царапаются, а не наносят удары сжатыми в кулак пальцами).

When he put up his arms, each day, to begin, they pained exquisitely, and the first few blows, struck and received, racked his soul; after that things grew numb...

Каждый раз в начале побоища Мартин сильно страдал от боли, но потом боль притуплялась... (подчёркнуто нами).

Семантический перевод: *Когда он принимал бойцовскую стойку в начале драки, его руки невыносимо ныли, но спящая боль первого обмена ударами постепенно притуплялась.* (Восстановлена утраченная в коммуникативном переводе информация о физических действиях, характерных для кулачного боя).

В наше время считается само собой разумеющимся, что деятельность переводчика от начала до конца носит экспериментальный характер, напоминающий челночные операции («филологический круг», по меткому выражению Лео Шпитцера): от оригинала к переводу, от значения к смыслу, от словаря к тексту, от поверхностной структуры к ядерной, от общей референции к ситуативному выдвиганию и т. д. (Комиссаров 2001). Об этом говорят авторы всех значительных работ, появившихся в переводоведении в последнее время. Имеется в виду работы по синхрону: «Мир перевода – 2000» (Чужакин, Палажченко 2000) и «Мир перевода – 7» (Чужакин 2002), публицистическому переводу (Бреус 1998), художественному переводу (Казакова 2001), техническому переводу (Волкова 2000). Между названными работами есть много общего:

- 1 Трансформационная модель не считается более самым важным направлением переводоведения; господствует интерпретативная модель (Алексеева 2001: 123).
- 2 Просматривается отчётливое желание усилить практическую и дидактическую направленность переводоведения (Чужакин, Палажченко 2000).
- 3 Признаётся принципиальная невозможность решения переводческих проблем в узких рамках лингвистики; культурологический подход открывает перед наукой о переводе новые перспективы (Пшеницын 1998).
- 4 По-иному расставляются акценты в традиционной тематике переводоведения: так, например, особое внимание обращено сейчас на проблемы устного и специального перевода. Исследуются такие факторы успешности переводческого процесса, которые ранее считались периферийными: резервы оперативной памяти, система аттестации, уровень профессиональной компетенции, учебные программы зарубежных вузов, эффект обманутого ожидания как неотъемлемую часть переводческой ситуации и др. (Чужакин 2002).
- 5 Существует консенсус по поводу принципиальной невозможности объективного описания всех составных переводческого процесса из-за наличия в нём «чёрного ящика» (Комиссаров 2001), т. е. неподдающихся наблюдению и регистрации мыслительных операций переводчика.

Таким образом, всё говорит о том, что практическая направленность переводоведения усиливается и переводы натуралистического толка, созданные под сенью гипертрофированного толкования формально-лингвистической стороны сообщения, становятся достоянием истории переводческих курьёзов. Идеи, обозначенные в трудах великого И.А. Кашкина (Кашкин 1968), получили живейшее продолжение в наши дни. Никто в мире перевода не претендует сейчас на какую-нибудь прескриптивную концепцию. А это значит, что создание типологии переводческого эксперимента становится актуальной задачей переводоведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева И.А. Профессиональный тренинг переводчика. – СПб: Союз, 2001. – 288 с.
2. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. – М.: УРАО, 1998. – 208с.
3. Волкова З. Н. Научно-технический перевод: английский и русский языки. – М.: УРАО, 2000. – 104с.
4. Казакова Т.А. Художественный перевод. – СПб: Знание, 2002. – 112с.
5. Кашкин И.А. Для читателя-современника. – М.: Советский писатель, 1968. – 564с.
6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2001. – 424с.
7. Пшеницын С.Л. Культурологический подход к переводу: теоретическое значение //Языковая картина в зеркале семантики, прагматики и

- перевода. *Studia Linguistica* – 7. – СПб.: Тригон, 1998. – С. 185–199.
8. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. - 224 с. (на англ. яз.)
  9. Чужакин А.П. Общая теория перевода и переводческой скорописи.–М.:Р.Валент, 2002.–160с.
  10. Чужакин А.П., Палажченко П. Р. Мир перевода – 2000. – М.: Р. Валент, 2000. – 184с.
  11. Korunets I.V. Theory and practice of translation. – Vinnitsa: Nova Knyha, 2001. – 448 p.

Поступила в редколлегию 18 марта 2003г